

М. Камецка*

ФРАНЦУЗСКИЕ ГУВЕРНЕРЫ В ПОЛЬШЕ ЭПОХИ ПРОСВЕЩЕНИЯ

В культурной жизни XVIII века
фигура гувернера присутствует повсюду.

*Даниэль Рош*¹

В статье, посвященной французскому присутствию в Польском государстве XVIII в., ее автор, Мишель Марти, отмечает: «Если Польша не является местом столь же достойным, как Пруссия, Италия или Англия, это означает, что и побудительные мотивы у французов, решивших отправиться туда, были иными. Действительно, в Варшаву, Краков или Вильно редко ездили ради развлечений или исследований. <...> Некоторые из описанных путешествий носили более практический характер. Так, немаловажной причиной значительного числа поездок туда было стремление сколотить состояние или снискать себе славу»². Ряд людей, принявших решение эмигрировать во время Французской революции, направились в Польшу, хотя они и считали ее страной сложной, экзотической и бедной³. Благодаря царившей там атмосфере перемен и духу возрождения, Речь Посполитая предоставляла иностранцам возможность улучшить их судьбу. Однако в начале XVIII в. отмечался спад в развитии франко-польских культурных отношений в целом. Это был момент, когда польская знать, обедневшая от войн предшествующего века, замкнулась в себе и нашла утешение

* Малгожата Камецка, доцент Университета Белостока (Польша).

¹ Roche D. Les Républicains des lettres. Gens de culture et Lumières au XVIII^e siècle. P., 1988. P. 331.

² Marty M. Culture ou Barbarie? Les voyageurs français et la République de Pologne au XVIII^e siècle // La culture des voyageurs à l'âge classique. Regards, savoirs & discours. La revue française / Numéro Électronique.

³ Zieliński M.G. Cudzoziemcy w życiu codziennym Rzeczypospolitej stanisławowskiej. Bydgoszcz, 2004. P. 205; Marty M. Voyageurs français en Pologne durant la seconde moitié du XVIII^e siècle. Ecriture, Lumières et altérité. P., 2004.

в косной самодостаточности с оттенком ксенофобии и враждебности к иностранным влияниям. Однако постепенно, в период правления последнего саксонского короля Августа III, по мере приближения к середине века, по-видимому, возникают новые импульсы к сближению⁴. С приходом к власти Станислава-Августа в 1764 г. и складыванием новой политической и интеллектуальной атмосферы, идеи философии Просвещения существенно меняют представления о воспитании, и вот уже наиболее видные политики и деятели культуры принимаются внимательно изучать состояние народного образования. Благодаря тому, что в обществе все более явственно наблюдается улучшение отношения к иностранцам, возникает мысль о привлечении их к реализации новых реформаторских программ⁵. Но хотя враждебность к иностранцам и начинает ослабевать, их деятельность, тем не менее, остается объектом пристального наблюдения.

Вторая половина XVIII в. также принесла немало изменений в польскую систему образования, что выразилось главным образом в появлении двух учебных заведений, новаторских для своего времени, которые как своей программой так и своей работой, изменили характер образования юных поляков. Первое, *Collegium Nobilium*, педагогическое детище монаха-пиариста Станислава Конарского, открыло свои двери в 1740 г. Среди ряда новшеств, возникших, кстати сказать, под влиянием пришедших из Франции идей, отметим утрату латынью своих позиций в пользу современных языков, в том числе французского, который должен был служить для приобретения других знаний, например, по истории и географии.

Король Станислав-Август, основатель и меценат второго подобного учреждения, а именно Кадетского корпуса, прекрасно осознавал необходимость модернизации образовательных структур страны. Будучи франкофоном и франкофилом, человеком великосветским, но прежде всего реформатором, этот монарх часто подчеркивал значение хорошего образования, а также преподавания иностранных языков для воспитания знатных юношей. Цель школы, созданной в 1766 г., состояла в подготовке новых административных и военных кадров, способных осуществить политические, экономические и социальные реформы. На протяжении двадцати девяти лет существования этого учебного заведения в его штат, состоявший в основном из иностранцев, входило 44 педагога, из которых 24

⁴ Marty M. Voyageurs français en Pologne durant la seconde moitié du XVIIIe siècle. Écriture, Lumières et altérité. P., 2004. P. 33.

⁵ Zielński M.G. Op. cit. P. 205.

были французами. Последние преподавали танцы, фехтование и верховую езду, французский язык и литературу, а также историю. Мы встречаем некоторых преподавателей, таких как Пенвен и Викар в Королевской пажеской школе, другие учили в Кадетском корпусе Гродно или колледжах Гданьска, Эльбинга или Торуня. Мещане и менее зажиточные дворяне отдавали своих детей на обучение во французские пансионы, число которых росло. Не подлежит сомнению вклад, внесенный французами в обучение польских ремесленников. Художники, учителя танцев и оперные актеры давали частные уроки. Отметим, например, что француз Франсуа Ле Ду учил танцам сначала в деревне, затем в Варшаве, причем его учениками были выходцы из крестьянских семей⁶. Иностранцы, в том числе французы, активно участвовали в работе Комиссии по народному образованию и Общества книг начального уровня, составляя учебники, которые будут использованы в реформированных школах⁷.

Однако существование новых школ и их растущая популярность не привели к заметному ослаблению роли домашнего образования, которое продолжали получать многие представители знати. Ничто не угрожало позициям гувернеров в семьях магнатов и знати, возлагавших на них задачу воспитания и образования своих детей, а также их подготовку к взрослой жизни. В то же время модель женского воспитания претерпела глубокие изменения, что привело к росту потребности в педагогических кадрах⁸. Иностранные гувернеры не преминули воспользоваться таким положением вещей, тем более что для значительного числа польских семей наилучшей рекомендацией гувернеру были его национальность и происхождение. Именно этим объясняется впечатление, создавшееся у немецкого путешественника Фридриха Шульца, проезжавшего через Польшу в конце XVIII в. и отмечавшего, что гувернантки, обычно француженки, реже немки, англичанки или итальянки, занимаются маленькими польками с самого раннего возраста⁹. Им поручали в основном преподавание иностранных языков, музыки, танца, пения и вышивания. Женщины работали также

⁶ Ibid. С. 160.

⁷ *Birn J.* Język francuski w Polsce w epoce saskiej // *Studia z dziejów kultury polskiej*. Warszawa, 1949. P. 379–389; *Grobelak L.* Grammaires et manuels de français utilisés dans les collèges polonais de la fin du XVI^e au XVIII^e siècle // *Kwartalnik Neofilologiczny*. T. 27. 1980. N 3. P. 301–322.

⁸ См.: *Kamecka M.* Le modèle éducatif des femmes dans l'Ancienne Pologne // *La femme dans la société médiévale et moderne*, actes du colloque de Nieborów 6–8 juin 2002. Varsovie, 2005. P. 177–187.

⁹ *Schulz F.* Podróże Infantczyka / Réd. W. Zawadzki. Warszawa, 1956. P. 591. Об этом см. также: *Kitowicz J.* Opis obyczajów za panowania Augusta III. Warszawa, 1985. P. 56, 59; *La Pologne du XVIII^e siècle vue par un précepteur français* Hubert Vautrin, présentation de Maria Cholewo-Flandrin. P., 1966. P. 170.

с молодежью крестьянского и плебейского происхождения в качестве преподавателей ремесел на мануфактурах. Они также содержали пансионы для девочек.

В силу постоянного присутствия в домах своих работодателей иностранные гувернеры становились неразлучными спутниками своих учеников-подростков и, вследствие этого, важными посредниками между представителями разных поколений. Жизнь под одной крышей, совместные трапезы, ощущение себя частью семьи – все это создавало атмосферу непринужденности и порождало совершенно исключительные отношения между хозяевами и гувернерами, тем более что последние, наблюдая вблизи повседневную жизнь семьи, проникали в ее тайны. Незнание польского языка и, следовательно, некоторая социальная изоляция, весьма устраивали придворных, которые стремились сохранить в тайне свои интимные дела, а также проблемы, связанные, например, с воспитанием детей.

Далее мне хотелось бы изложить ряд соображений о положении частных учителей и, опираясь на конкретные примеры, показать, как их воспринимали. Поскольку меня интересуют прежде всего гувернеры, служившие в поместьях знати, необходимо проанализировать и ожидания, связанные с их приглашением, и круг их обязанностей.

В XVIII в. распространенной практикой, связанной с растущей популярностью религиозных колледжей, было приглашение к мальчикам из знатных семей гувернера на время обучения в колледже. Работа частного учителя состояла в выполнении обязанностей, связанных как с преподаванием, так и с воспитанием ученика. Я обращаюсь к тексту инструкции, написанной в 1742 г. Михалом Казимиром Радзивиллом накануне отъезда двух его восьмилетних сыновей Кароля-Станислава и Януша в иезуитский колледж для продолжения образования. Инструкция была адресована их наставнику, уроженцу Франции¹⁰. Ее следует рассматривать как изложение родительских ожиданий, даже если они не всегда воплощались в жизнь. В обязанности наставника входило обеспечить воспитанникам хорошие условия проживания, а также следить за их здоровьем: соблюдать режим дня: сон, занятия, отдых. Гувернер должен был наблюдать за тщательным выполнением уроков и не допускать попыток уклониться от выполнения домашнего задания¹¹. В случае непослушания подопечных он имел право прибегнуть к наказаниям, таким как лишение любимых блюд, сокращение времени отдыха,

¹⁰ Archives Principales d'Actes Anciens. Archives des Radziwiłł. Sect. XI. 164.

¹¹ Ibid. P. 2.

стояние на коленях. Все провинности воспитанников и наложенные на них наказания должны были записываться в специальный журнал, а затем о них докладывали отцу детей. Гувернер должен был также надзирать за работой денщиков и заботиться о внешнем виде близнецов. Кроме того, он должен был обучать их хорошим манерам и правильному поведению в обществе, для чего предстояло совершать визиты к родственникам детей и друзьям их дома. Наставник контролировал свободное время детей, следил за безопасностью их игр, настаивал на том, чтобы они проводили досуг вместе, и следил за тем, чтобы они хорошо относились друг к другу. В заключение отец обращал внимание гувернера на проблему взаимоотношения детей со слугами и поручал ему не допускать здесь излишней фамильярности, что, по его мнению, могло привести лишь к нескромности и дурному влиянию¹².

Мемуары, весьма многочисленные в XVIII в., служат нам основным источником знаний о преимуществах и недостатках модели домашнего воспитания гувернанткой, например, записки Виридианны Фишеровой, урожденной Радолинской, происходившей из знатной семьи в Великой Польше¹³. Первая гувернантка появилась у нее в возрасте 5 лет (ее сестре было 4 года). Как отмечает Виридианна, выбор ее матери пал на добросовестную и компетентную особу, случай довольно редкий, так как многие гувернантки не имели никакой педагогической подготовки. Требования первой гувернантки казались юной воспитаннице чрезмерными, однако побуждали ее делать дополнительные усилия. А вот вторая гувернантка, слишком снисходительная, не обладала такими педагогическими талантами и не умела поддерживать дисциплину. После ее отъезда у девочки начались долгие каникулы, и полученные знания были быстро забыты. Автор мемуаров вспоминает и других учителей, поляков и иностранцев, которых быстро увольняли за невежество, но не забывает, однако, и тех, кто имел настоящий талант и сыграл важную роль в ее воспитании. Одним из них был ее французский наставник, о котором нам известно немного. Его звали месье Тупе (Toupet), он имел жену и двоих детей, а в прошлом служил секретарем у Вольтера. Благодаря ему она освоила правила риторики и в возрасте 8 лет познакомилась с философскими сочинениями Вольтера, верным поклонником которого оставался ее учитель. Среди книг, запрещенных [ее родителями, были произведения Руссо, которые она читала по ночам, чтобы ее не застали за этим

¹² Ibid. P. 3–4.

¹³ *Fischerowa W. Dzieje moje własne, Wiązanka spraw poważnych, ciekawych i błahych / Trad. du français, E. Raczyński. Warszawa, 1998.*

занятием¹⁴. После отъезда этого наставника прибыл новый гувернер-француз – отец Перетти, педагог, оказавший большое влияние на воспитание Виридианны и формирование ее ума. Будучи девочкой робкой и сдержанной, не отличавшейся красотой, она находила большую радость и удовольствие в учебных занятиях, к которым ее учитель относился с огромным вниманием. Успехи в учебе помогли Виридианне смириться со своей внешностью. Она замкнулась в собственном интеллектуальном мире, тайном и сокровенном, куда другие люди не имели доступа. Для этой молодой женщины, наблюдательной, умной и прозорливой, обучение дало возможность узнать себе цену и почувствовать себя свободной. Спустя годы она сохранила систему ценностей и принципы, внушенные ей наставником. Будучи противником схоластических методов и сторонником практического обучения, он прогуливался со своей воспитанницей по деревням, относящимся к поместью ее родителей. Эти уроки чувствительности и сострадания, во время которых он к тому же высмеивал поведение аристократов, открыли перед ней неизвестный ранее мир – мир нищеты и бедности крепостных крестьян¹⁵.

Прибытие частых учителей из-за границы вызвало оживленные споры. Публицисты и мыслители не щадили их, обличая их невежество, дурное влияние на молодежь, проявлявшееся, помимо прочего, и в отсутствии у нее уважения к национальным ценностям¹⁶. Критические и враждебные высказывания в адрес иностранных гувернеров, и особенно французов, не должны заслонять того факта, что авантюристы без образования и мошенники, изредка занимавшиеся преподаванием в богатых домах, были абсолютным исключением в данной профессиональной группе. Тем не менее подобная дурная репутация и неблагоприятное отношение общественного мнения влекли за собой негативную оценку всей группы в целом. Однако в мемуарной литературе хорошо известны примеры наставников, которые за свою безупречную и преданную службу удостоились самых высоких похвал. Приведу здесь отрывок из воспоминаний Фредерика Скарбека, экономиста, историка, мемуариста и писателя, который с большим уважением говорит об одном из своих французских гувернеров. В 80-е гг. XVIII в. эту должность занял Николай Шопен, отец Фредерика Шопена:

¹⁴ *Fiszerowa W.* Op. cit. P. 41.

¹⁵ *Ibid.* P. 51.

¹⁶ *Moszyński A.* Uwagi polityczne, 1769 // *Czasy saskie. Wybór źródeł / Réd. J. Feldman.* Wrocław, 2004. P. 46; *Kollataj H.* Stan oświecenia w ostatnich latach panowania Augusta III (1750–1764). Wrocław, 2003. P. 6-9.

Шопен приехал в Польшу задолго до Французской революции в качестве писца или счетовода на табачную фабрику, основанную его соотечественником в Варшаве. Его не заботили ни принципы свободы, ни притворная набожность французских эмигрантов. Не был он и роялистом, озабоченным поклонением трону и алтарю, а был человеком честным и нравственным, который, посвятив себя делу воспитания польских юношей, никогда не позволял себе пытаться сделать из них французов или внушить им принципы, действующие во Франции. Уважая поляков, полный признательности к той земле и тем людям, у которых он нашел радушный прием и возможность достойно заработать на жизнь, он искренне платил им той же монетой из чувства благодарности, воспитывая из их чад полезных граждан¹⁷.

То, что Скарбек был крестным отцом сына Шопена свидетельствует о тесных узах, которыми были связаны наставник и его подопечный даже много лет спустя. Эти конкретные примеры доказывают, что не все гувернеры заслуживали тех резких слов, что были им адресованы. Поэтому не следует умалять вклад многочисленных педагогов, часто безвестных, с меньшим интеллектуальным или научным потенциалом, которые, однако, оказали благотворное влияние на формирование личности своих учеников и остались в их благодарной памяти на долгие годы¹⁸.

Еще один человек, на которого нам хотелось бы обратить внимание, – Юбер Вотрен (Vautrin). Что мы знаем об этом гувернере? Вотрен родился 29 февраля 1742 г. в предместье Нанси. Закончив обучение в колледже Нанси, управляемом иезуитами, он вступил в Орден в 1759 г. В 1765 г. Вотрен преподавал риторику в Коллеж д'Эпиналь. Вероятно, именно в этот период он был приглашен в Люневиль ко двору короля Станислава. Пребывание при дворе и знакомство с поляками, по-видимому, пробудили в нем интерес к Польше. Вследствие роспуска Ордена он остался не у дел, что заставило его давать уроки в Страсбурге, где он встретился с членами семьи литовских магнатов Сапега¹⁹. Летом 1777 г. княгиня Эльжбета Сапега, урожденная Браницкая, предложила ему должность гувернера своего сына Казимира Нестора (1757-1798), генерала литовской артиллерии. Добавим, что юный генерал только что вернулся тогда из Франции, где обучался военному делу.

¹⁷ *Skarbek F. Pamiętniki. Poznań, 1878. P. 9–10.*

¹⁸ Как считает Д. Рош, следует различать два типа гувернерства: «высшее», характерное для важных аристократических домов, и «обычное», временное, осуществляемое представителями духовенства или светскими людьми: *Roche D. Op. cit. P. 349.*

¹⁹ Если говорить об иезуитах, которые прибыли в Польшу после 1763 г., то их список из 34 фамилий можно найти в кн.: *Encyklopedia wiedzy o jezuitach / Dir. L. Grzebień. Kraków, 2004. P. 103.*

Вотрен многого ждал от своей поездки в Польшу. Прежде всего, он видел в ней возможность поправить свои финансовые дела, обрести независимость, найти меценатов, вступить в контакт с культурной элитой и продолжить научную деятельность, как в собственных интересах, так и в интересах своего ученика. Вотрен покинул Францию в августе 1777 г. и прибыл в Польшу 16 ноября. Он ставил перед собой нелегкую и обширную задачу, которая требовала от него полной отдачи, тем более что его ученику было уже 20 лет. Юбер Вотрен был типичным человеком своего времени, круг его интересов отличался большой широтой и охватывал археологию, историю Античности и переселения народов, политическую экономию, демографию, естественные науки, сельское хозяйство, астрономию, физику, метеорологию и аэростатику. Это был, без всякого сомнения, незаурядный человек, отличавшийся от других представителей той же профессии²⁰.

Прибыв на место, он погрузился в исследование истории, экономики и сельского хозяйства Польши, изучал политический режим и культуру, беседовал с людьми, наблюдал за общественными отношениями. Вотрен мог бы сыграть важную роль в истории польского Просвещения: если бы он оказался в другом доме, в более образованной среде, то мог бы передать все свои знания, способности и опыт представителю демократического лагеря Польши. Но люди, с которыми он общался, были иного сорта, эта семья не походила на Потоцких и Чарторьжских²¹. Положение губернатора усугублялось еще и тем, что его хозяйка Эльжбета Сапежина, бессовестная интриганка, постоянно сталкивалась с финансовыми проблемами и не возвращала долгов. Вотрен за время своего четырехлетнего пребывания в доме Сапега также пострадал от этого.

Молодой Сапега имел незаурядные способности и довольно большой ораторский талант. При хорошем образовании и воспитании у него были все шансы стать настоящим политиком и государственным деятелем. К сожалению, плохое воспитание, влияние матери, спесь,

²⁰ Polska stanisławowska w oczach cudzoziemców. T. 1. Warszawa, 1963. P. 27–28.

²¹ Polska stanisławowska... P. 28. Известны два случая губернеров, служивших в других знатных семьях и написавших книги о своем пребывании в Польше. Луи-Антуан Карачиоли, после службы в семье Ржевуских написал *La Pologne, telle qu'elle a été, telle qu'elle est, telle qu'elle sera* [Польша как она была, есть и будет] (1775) и *La vie du comte Wencelas Rzewuski* [Жизнь графа Ржевуского] (1782). Пиррис де Варий, домашний учитель детей маршала Сангушко, опубликовал в Лондоне *Réflexions politiques sur la Pologne, ou lettre d'un patriote modéré à son ami, avec plusieurs autres lettres et un coup d'oeil sur les vues secrètes que peuvent avoir les Puissances de l'Europe par rapport à la situation actuelle de la Pologne* [Политические размышления о Польше или письмо умеренного патриота своему другу вместе с другими письмами и взглядом на тайные планы, которые могут иметь европейские державы касательно современного положения в Польше] (1772).

переходящая в кривляние, при склонности к спиртным напиткам свели на нет все его хорошие задатки. Неудивительно, что образованный и любящий свое дело педагог был весьма разочарован таким положением вещей. После четырехлетнего пребывания при дворе Сапега он вернулся во Францию, где полностью посвятил себя науке. Он нашел там издателя для своей книги, которую озаглавил «Наблюдатель в Польше», воспользовавшись интересом к Польше в Наполеоновскую эпоху. Книга вышла в 1807 г.²² Тяготы и унижения, которые ему пришлось претерпеть на службе у Сапеги, оставили глубокий след в его сердце и мыслях. У него возник своего рода антипольский комплекс. Он перенес недостатки и черты характера этих людей на все польское общество. Поэтому образ Польши в книге Вотрена окрашен горечью и местами носит черты памфлета. Однако это не умаляет достоинств его труда, так как в нем дается в то же самое время глубокий анализ положения дел в стране, ее общественной и экономической жизни. Будучи физиократом, Вотрен особенно критически высказывался о нелегком положении крепостных крестьян, возлагая ответственность за такое состояние дел на магнатов и знать. Помимо сведений энциклопедического характера, книга содержит также множество очень верных наблюдений за повседневной жизнью поляков в XVIII в. Взгляд внимательного иностранного наблюдателя стал, тем самым, важным свидетельством эпохи, он и по сей день сохраняет свою значимость для исследований общественной жизни²³.

В заключение подчеркну, что в Польше XVIII в. сосуществовали две системы образования: институциональная, представленная сетью школ и колледжей, а также Комиссиями по народному образованию, и частная, являвшаяся сферой деятельности учителей, губернаторов и держателей пансионатов. Положение губернатора в знатной польской семье было чрезвычайно сложным и даже шатким, поэтому сложно дать ему однозначную оценку. Профессиональная группа домашних учителей была очень разнородной в том, что касалось уровня образования, национальности, возраста, а также отношения к своей профессии. Последний фактор представляется особенно важным, ибо часть этих людей рассматривала подобное занятие как временное. М.Г. Зелинский отмечал, что в проанализированной им группе из 3 тыс. иностранцев различных профессий только 13% остались в Польше навсегда. Другие же после более или менее длительного пребывания вернулись на родину или обосновались в других местах. Бесспорно, что,

²² L'Observateur en Pologne par Hubert Vautrin de l'Académie de Nancy. P., 1807.

²³ Ibid. P. 30.

как и в других сферах деятельности, здесь преобладали мужчины. Тем не менее, хотя источники и уделяют меньше внимания женщинам, они сообщают и об их деятельности. Согласно исследованиям Зелиньского, изучавшего группу из 163 гувернеров периода правления Станислава Понятовского, женщины составляли чуть меньше 10% от их общего числа. Среди иностранных гувернанток, в отличие от мужчин, не было обнаружено ни одного известного женского имени, но согласно некоторым свидетельствам можно заключить, что некоторые из них делали себе состояние и приобретали славу в местном масштабе²⁴.

Следует принимать во внимание и то, что обязанности гувернеров касались такой чувствительной сферы, как воспитание и психология. Им приходилось выносить капризы и перемены настроения подопечных, а также их родителей, некоторые из которых не только не участвовали напрямую в процессе воспитания, но и разрушали результаты работы преподавателя. Гувернеры несли также денежные убытки, не получая жалованья за свои услуги.

Несмотря на то что большое число частных наставников находилось вне сферы государственного контроля и по этой причине трудно поддается систематическому анализу, проблематика, связанная с их деятельностью и условиями их труда, заслуживает внимания и более глубокого изучения, учитывая их вклад в воспитание юных поляков из семей магнатов, знати и мещанства, . Историкам, изучающим XVIII в., остается только сожалеть о состоянии сохранившихся источников, часто разрозненных и неполных.

²⁴ *Zieliński M.G.* Cudzoziemcy... Р. 209. Французы составляли около 15% иностранного населения, представители германоязычных стран были в меньшинстве. Данные меняются, в зависимости от города.